

делать свою жизнь, а как-нибудь принимать ту, которая мне дается. Я должен покориться неведомому мне творчеству».¹⁰⁴

А жизнь тем временем шла своим чередом, кружила «кутерьма», грустная, нелепая, смешная. Вот ищет у него утешения старинный приятель, которому изменила жена, помышляющий одновременно о разводе, новой жене и сыне-наследнике: «Какая жажда жизни! Ему даже нужен наследник! О, мы какие-то сумасшедшие, угорелые! Мы делаем сами не знаем что, сами не знаем зачем».¹⁰⁵ Рассказывает Страхов Толстому о бездетных супругах, взявших на воспитание четырехлетнюю девочку, оказавшуюся капризной и глуповатой «от природы». Девочку избаловали, «до невозможности обкормили» так, что она заболела. Пошли ссоры, консилиумы, доктора, полный разлад между супругами, вынуждены были однажды пригласить мать девочки и убедились, что «никакого материнского чувства в ней нет». Утомительный, унылый круговорот жизни: «Все эти интересы и страдания мне кажутся до очевидности нелепыми. Не потому ли, что сердце у меня сухо, что я холостяк и не женат? Но я не могу найти в них смысла. Жизнь всеильный обман, от которого не могут освободить самые очевидные доказательства».¹⁰⁶

В письме к Толстому об «Анне Карениной», этом «новом великом произведении», Страхов восторгается анатомией петербургской светской жизни («Это удивительно и хватает за сердце; такая бездна лжи, такая мелкость умов и сердец») и рассказывает «недавний анекдот» о графине Зубовой: «Дом Зубовых — неслыханного и поразительного великолепия стоит на площади против Исаакиевского собора. Графиня с бала уехала в бани со своим поваром, французом. Там он умер на ней от разрыва аневризма. Она перепугалась, позвала на помощь; полиция захватила ее по поводу скоропостижной смерти. Муж, не дождавшийся возвращения жены, бросился к обер-полицеймейстеру рано утром — и там дело объяснилось». Это анекдот «из достоверных источников». Другие анекдоты — из менее достоверных, рассказанные Владимиром Ивановичем Ламанским («подобные и худшие»), слова которого тут же приводятся: «Он говорит: „Разве Каренин похож на Валуева? Валуев не так сделал; он продал свою жену и старый Вяземский не хотел за это знать его”».¹⁰⁷

Грязная и гнусная кутерьма «грубой, глупой, легкомысленной жизни».¹⁰⁸ Страхов от нее старательно дистанцируется, но скандальные «анекдоты», нередко из весьма недостоверных источников, коллекционирует и не без удовольствия передает («анекдоты» о Достоевском такого же рода).

Весной 1878 года во взаимоотношениях Толстого и Страхова чуть не наступил кризис. Толстой в письме от 8 апреля, наставляя на истинный путь Страхова, допустил неосторожные выражения, сильно огорчившие критика. Толстой попытался в несколько догматичной манере объяснить Страхову, почему тот не видит «настоящей дороги»: «Когда я думаю о вас, взвешиваю вас по вашим писаньям и разговорам, я по известному мне вашему направлению и скорости и силе всегда предполагаю, что вы уже очень далеко ушли туда, куда вы идете; но почти всегда при свидании с вами и по письмам (некоторым) к удивлению нахожу вас на том же месте. Тут есть какая-нибудь ошибка. И я жду и надеюсь, что вы исправите ее и я потеряю вас из вида, — так далеко вы уйдете. С другой стороны то же самое: в молодости

¹⁰⁴ Там же. С. 228.

¹⁰⁵ Там же. С. 252.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 332.

¹⁰⁸ Там же.